

Вода из таза вылилась, сердце сбилось с ритма.

В комнате воцарилась абсолютная тишина. Тот, кто сидел, и тот, кто стоял, будто стыдясь своих мыслей, отворачивались друг от друга: один, прикрыв уши, устался в пол, другой, с красными щеками, смотрел в окно.

Казалось, мир замер, неподвижный и молчаливый. Только Эр Си, испугавшись звона, резко приподнялся, настороженно посмотрел в их сторону, но, убедившись, что никакой угрозы нет, снова спокойно улегся.

Прошло некоторое время, и будто невидимый маховик времени вновь закрутился: сидящий надел обувь и поднял таз, стоящий побежал за тряпкой, чтобы вытереть воду, пролившуюся на край печи.

Перед тем как лечь спать, никто из них не сказал ни слова, будто между ними существовало негласное соглашение, которого нельзя нарушить.

Накануне вечером, когда погасла масляная лампа, Цин Янь лежал на теплом кане с открытыми глазами. Он стиснул зубы и протянул руку под одеялом, ощупывая пространство рядом. Когда его пальцы впервые коснулись чужой руки, он почувствовал едва заметную дрожь.

Сердце Цин Яня тоже дрогнуло, но он пересилил себя и крепко схватил эту теплую, сухую руку.

Рука не вырывалась, но оставалась расслабленной, не отвечая на его хватку.

Цин Янь пытался решиться пойти дальше, готовясь переступить невидимую черту, но в тот момент, когда он уже собрался с духом, расслабленная рука вдруг мягко высвободилась.

Теплое прикосновение исчезло. Цин Янь, отринув сомнения, решительно сунул руку в сторону живота того человека, снова схватил его руку и крепко сжал ее.

Схваченная рука попыталась вырваться, но Цин Янь, стиснув зубы, не отпускал.

Прошло немного времени. Когда Цин Янь уже собирался отбросить одеяло и встать, рука, которую он держал, вдруг обхватила его ладонь. Большая рука накрыла его, крепко сжала, создавая ощущение почти болезненной, но приятной полноты.

Цин Янь замер. Когда до этого его попытки оставались без ответа, он словно ожесточался с каждым отказом. Но теперь, когда ему ответили, он вдруг ощутил, как волна обиды нахлынула на него, и даже нос защищало от надвигающихся слез.

В темноте грудь Цин Яня слегка поднималась и опускалась. Его охватили эмоции, но он старался подавить их. Наконец, он тихо спросил:

— Разве я чем-то плох?

Едва он договорил последнюю фразу, как услышал решительный ответ:

— Ты очень хороший.

Цин Янь еще сильнее почувствовал обиду.

— Тогда почему ты...? — он не закончил, но смысл был ясен.

После этих слов в комнате вновь стало тихо. Цин Янь уже почти подумал, что ответа не последует, и почувствовал разочарование, но тут рядом раздался низкий голос:

— Цин Янь, разве ты забыл, что говорил той ночью?

— Что я говорил? — Цин Янь напряг память. Он помнил, что, кроме мольбы о пощаде, не сказал почти ничего. После того, что произошло, он был настолько измотан, что тут же заснул.

Прошла еще пауза. Мужчина ничего не ответил. Цин Янь уже собирался задать вопрос снова, но в этот момент его сознание словно осветилось яркой вспышкой, и забытая часть воспоминаний выплыла на поверхность.

Он застыл с выражением удивления и смущения. В ту ночь, будучи пьяным и под действием наркотика, Цин Янь оставался в полуразмытом состоянии и практически ничего не помнил. Но теперь он вспомнил: после случившегося у них действительно состоялся короткий разговор.

Кажется, осознав, о чем задумался собеседник, мужчина хранил молчание, давая ему время привести мысли в порядок, и не торопил.

В ту брачную ночь Цю Хэнянь лишь позже понял, что потерял над собой контроль.

Тело его молодого супруга было усеяно следами, которые можно было назвать пугающими, словно весь человек оказался истерзан до беспомощности. Он лежал на ярко-красной постели, настолько обессиленный, что его дыхание едва замечалось. Щеки горели неестественным румянцем, а кожа, напротив, была бледной до болезненности, словно лишенной крови. Эта картина врезалась в память, ошеломляя.

Цю Хэнянь знал, что с ним что-то не так. Он не считал себя мягким человеком, но и жестоким

тоже не был. Цин Янь, его супруг, которого он взял в дом, чтобы прожить с ним всю жизнь, даже если их первый взгляд друг на друга состоялся лишь в день свадьбы, даже если между ними не было еще никакой привязанности, был его ответственностью. Его долгом было беречь и защищать его.

Но в ту ночь, едва начав, он все еще держал себя в руках, стараясь внимать словам о боли, смягчать свои движения. Однако в какой-то момент рассудок оставил его. Сознание словно застыло на границе ясности и хаоса, а тело перестало слушаться. В ту минуту Цю Хэнянь отчетливо понял: его разум больше не принадлежит человеку. В нем остались лишь звериные похоть и желание, без малейших крупиц самоконтроля.

Он долго сидел на краю кровати в тишине ночи, освещенной лишь тусклым светом масляной лампы, глядя на своего супруга. Цин Янь, свернувшись на боку, спал, прижав голову к его колену, безмятежный, но хрупкий, как раненый зверек.

Позже Цю Хэнянь обработал его раны, нанес мазь на болезненные следы на теле. Он заботливо очистил супруга и одел его в халат, чтобы скрыть видимые синяки. Именно тогда Цин Янь очнулся.

Едва он раскрыл глаза, его лицо — красивое, но ослабленное — залилось слезами. Он всхлипывал, красные от плача глаза были полны боли. Цю Хэнянь молча вытирал слезы платком, а его супруг, словно маленький зверек, инстинктивно обнял его ногу белыми, нежными руками, будто прося пощады. Сквозь рыдания он пробормотал:

— Я просил тебя остановиться, но ты не слушал. Мне было так больно.

Цю Хэнянь взглянул на него своими тихими, как озерная гладь, глазами. Молчание повисло в воздухе, пока его губы наконец не дрогнули.

— Это моя вина, — произнес он.

Молодой супруг снова заплакал, всхлипывая:

— Никогда больше не причиняй мне такую боль.

Цю Хэнянь проглотил ком в горле и твердо сказал:

— Хорошо.

Одна постель, два человека. Один погружен в воспоминания, другой пытается восстановить утраченные фрагменты.

Темнота скрыла смущение Цин Яня. Разрыдаться, а затем умолять, — в трезвом состоянии он бы ни за что не допустил такого.

Но это не главное.

Темнота придала Цин Яню смелость. Он прикусил губу и неуверенно пробормотал:

— Я не говорил, что нельзя... Только чтобы не так больно...

Произнеся это, он резко отвернулся. Эти слова звучали как открытое приглашение, и его лицо пылало от стыда.

Но мужчина рядом лишь молчал. Спустя некоторое время, недоумевая, Цин Янь снова повернулся к нему.

Наконец мужчина заговорил. Он назвал имя своего маленького супруга:

— Цин Янь, — а затем продолжил, — Прости. Я не могу обещать. Я боюсь, что это может тебя убить.

Цин Янь был ошеломлен.

Прошлой ночью, на кане в маленьком домике, они долго разговаривали. Цю Хэнянь подробно рассказал о той ночи, когда потерял контроль, а также ясно выразил свои опасения.

После долгих раздумий Цин Янь сказал:

— Возможно, это потому, что у тебя раньше такого не было. Ты был слишком эмоционально возбужден. Может... — он неловко прокашлялся. — Может, в следующий раз все будет по-другому.

Дыхание Цю Хэняня стало медленным и тяжелым. Его голос прозвучал хрипло:

— Я не хочу рисковать.

После этого Цю Хэнянь сказал, что ему нужно успокоиться, оделся и вышел из дома.

Он долго стоял во дворе, прежде чем вернуться.

Этой ночью оба не спали.

Через оконную бумагу Цин Янь смутно видел его фигуру. Он неподвижно стоял в темноте — молчаливый, одинокий, погруженный в какие-то свои мысли.

После короткого дневного отдыха супруги начали разбирать вещи на телеге. Цин Янь убирал оставшиеся съестные и полезные припасы, а добычу обрабатывал Цю Хэнянь.

Когда телега была пуста, Цю Хэнянь тщательно проверил и укрепил колеса и оглобли. Закончив, Цин Янь взял одного кролика и шесть самых крупных рыб и отвез к тете Ли. Когда они вернулись, тети Ли дома не было, иначе бы отдали рыбу сразу.

Тетя Ли, увидев добычу, охала и отказывалась принимать дары, но Цин Янь настоял, и она, смутившись, все-таки согласилась.

Она взяла его за руку и сказала:

— Эта поездка, должно быть, тебя сильно измотала?

Цин Янь покачал головой:

— Я не устал. Большую часть работы сделал Хэнянь.

Тетя Ли внимательно посмотрела на его лицо:

— На горе ветер резкий и жесткий. Смотри, как обветрило твои щечки, они уже не такие гладкие, как раньше. Пойдем, я дам тебе кое-что хорошее.

Цин Янь с любопытством проследовал за ней в дом. Тетя Ли достала из шкафа небольшой фарфоровый флакон и протянула его ему. Цин Янь открыл крышку, увидел белую кремообразную субстанцию и уловил тонкий аромат цветов.

Он тут же понял, что к чему, и радостно воскликнул:

— Это же ароматный крем для лица?

Тетя Ли кивнула:

— Забирай, используй каждый день. Не вздумай испортить такое красивое личико!

После приезда сюда Цин Янь был настолько занят тем, чтобы наладить свою жизнь, что совсем забыл про уход за собой. А ведь раньше он каждый день тщательно ухаживал за кожей. Видя, как он обрадовался, тетя Ли тоже расплылась в улыбке:

— Эту штуку можно использовать не только для лица, но и для тела и рук.

Цин Янь протестующе махнул рукой:

— Это слишком! Это же такая трата!

Он прекрасно знал, что подобный крем стоит недешево. Обычные семьи едва ли могли позволить себе купить его, а тут, вместо того чтобы беречь и использовать только для лица, предлагалось мазать им все тело — это было уж слишком расточительно.

Но тетя Ли, хлопнув его по руке, громко сказала:

— Ай, да брось ты! Мажь смело! Как закончится, приходи ко мне еще. Я сама делаю этот крем, и его у меня столько, что просто некуда девать!

На обратном пути Цин Янь, держа в руках баночку с кремом, задумался: если сделать этот крем в больших количествах, а потом открыть лавку и продавать, можно было бы здорово заработать.

Эта идея его увлекла, но он не спешил обсуждать ее с тетей Ли. Хотя ее лицо всегда выглядело гладким и сияющим, Цин Янь хотел сначала проверить крем на себе. К тому же открыть лавку — дело нелегкое: нужно иметь капитал, найти подходящего управляющего и, самое главное, получить согласие тети Ли.

Так что этот вопрос он решил отложить на будущее.

Когда он вернулся домой, Цю Хэнянь тоже уже был на месте. Он успел отнести луки и стрелы обратно охотнику Лю, а заодно вернул ему и Эр Си. Цин Яню было жаль расставаться с собакой, так что он отправил для нее мешочек с костями и обрезками мяса.

Цю Хэнянь, не желая остаться в долгу за одолженные вещи, принес охотнику Лю несколько рыбин и половину разделанной дикой свиньи. Но старик Лю дал в ответ большую корзину сушеных стручков фасоли и небольшой пакет вяленого ослиного мяса.

Оставшиеся после охоты трофеи включали: одного оленя, почти полный бочонок рыбы, одного кролика и половину дикой свиньи.

Оленя планировалось продать. Когда Цю Хэнянь только что подстрелил его, он быстро спустил

кровь и заморозил ее отдельно, чтобы сохранить свежесть. Олень стоит гораздо дороже косули. Уездные и городские господа, богатые землевладельцы, особенно ценят это мясо. Даже если продать его в ресторан, можно заработать приличную сумму.

Рыбы оставили шесть штук — этого вполне хватит для еды. Весной, когда снег тает, рыбу уже не сохранить, поэтому оставшиеся семь-восемь штук тоже продадут.

Дикого кабана и кроликов решили оставить, чтобы приготовить их на Новый год.

Цю Хэнянь каждый год, возвращаясь с охоты, почти все добытое раздавал. Но в этом году у него появился маленький супруг, и только поэтому он оставил так много для своей семьи.

Днем они снова занялись уборкой дома: постирали и развесили грязную одежду, затем приготовили еду и поужинали. Так, незаметно, прошел весь день.

Перед сном, как обычно, они взялись за чтение «Записей о горах и реках» — они почти дошли до конца этой книги. Однако на этот раз мысли Цин Яня неожиданно начали блуждать.

Днем, в суете, он этого не замечал, но ночью, когда наступала тишина, он начал осознавать, что в отношениях между ним и Цю Хэнянем произошли едва уловимые изменения. Все началось со вчерашнего разговора. Это была естественная трансформация их душевного состояния, вызванная откровенностью и искренностью.

Цин Янь стал еще больше сочувствовать Цю Хэняню, но также ощущал легкое смущение и стыд из-за своей вчерашней смелости и инициативности. В сущности, он не придавал особого значения подобным вещам: желания у него были, но он мог спокойно обходиться без них. Он понимал, что даже без физической близости можно находить радость в отношениях.

Тем не менее, для обычных супругов естественно время от времени сближаться по ночам. Это помогает поддерживать чувства в браке. Ранее Цин Янь полагал, что, поскольку они не встречались до свадьбы, говорить о чувствах еще рано, и если избегать таких близостей, это может со временем привести к проблемам.

Теперь же, разобравшись во всем, он думал, что, если дело не в недовольстве им, то и волноваться не о чем. Любые сложности можно решать вместе, а если решение так и не найдется, ничего страшного. Главное — сохранять душевную близость, поддерживать друг друга и жить в согласии.

И все же у Цин Яня оставался один вопрос, который он так и не смог задать вчера. Сейчас, в ночной тишине, его любопытство только усилилось.

Если они так и не смогут найти решение, думал он, то хотя бы однажды, он надеялся, что этот мужчина почувствует на себе всю полноту счастья. Поэтому, наконец, он решился и тихо

спросил:

— Хэнянь, той ночью ты был счастлив?

Той ночью — был ли он счастлив?

В темноте Цю Хэнянь лежал с открытыми глазами, слушая, как его маленький супруг ворочается рядом на одной постели. Он вовсе не спал.

Услышав это, он закрыл глаза. Его кадык слегка дрогнул, и, неосознанно погружившись в воспоминания о той ночи, в голове вспыхнули обрывки мыслей: красное, белое, тепло, нежность, мягкость, аромат.

Красное — это свадебный наряд и алые свечи, белое — кожа и плоть, тепло — от телесной близости, нежность — от... Все пространство под балдахином было пронизано тонким ароматом, легким привкусом вина и горячей, обжигающей солонватостью.

Через некоторое время Цин Янь услышал рядом с собой как тихий, едва различимый мужской голос произнес короткое: «Мм».

<http://bllate.org/book/13590/1205176>